

В.С. Можанов

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, г. Томск, Российская Федерация

Европейский Союз как актор в формировании глобальной экологической политики

Статья посвящена анализу роли Европейского Союза как ключевого актора в формировании глобальной экологической политики. Актуальность темы связана с возрастающей ролью экологии в глобальных процессах и активной позицией Евросоюза в этой сфере. Вопросы защиты окружающей среды влияют как на внутренние решения ЕС, так и на его отношения с другими странами. Целью данной статьи является анализ положения Европейского Союза в международной системе по защите окружающей среды. Для этого были рассмотрены основные инструменты внешней политики ЕС, которые позволяют ему влиять на экологическую политику других стран. В работе использованы методы сравнительно-исторического анализа и критического дискурс-анализа, что позволило выявить тенденции развития экологической политики ЕС и ее влияние на глобальное экологическое управление. В результатах выделены три ключевых направления политики ЕС: участие в многосторонних экологических режимах, интеграция «зеленых» стандартов в торговые отношения и применение односторонних мер. Показано, что ЕС сочетает нормативное лидерство с экономическим pragmatizmом, демонстрируя тем самым эффективную модель экологического лидерства.

Ключевые слова: экологическое лидерство, Европейский Союз, глобальное экологическое управление, устойчивое развитие, международные экологические режимы



ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Можанов В.С. Европейский Союз как актор в формировании глобальной экологической политики // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 120–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-120-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-120-132

V.S. Mozhanov

National Research Tomsk State University,
Tomsk, 634050, Russian Federation

The European Union as an actor in shaping global environmental policy

The article examines the role of the European Union as a key actor in shaping global environmental policy. The relevance of the topic is related to the growing role of ecology in global processes and the active position of the European Union in this area. Environmental protection issues affect both the EU's internal decisions and its relations with other countries. The purpose of the article is to analyze the European Union's position within the international environmental protection system. The study examines the primary instruments of the EU's foreign policy that enable it to influence other countries' environmental policies. The research employs methods of comparative historical analysis and critical discourse analysis, which have helped identify trends in the development of the EU's environmental policy and its impact on global environmental governance. The findings highlight three key dimensions of EU policy: participation in multilateral environmental regimes, the integration of "green" standards into trade relations, and the implementation of unilateral measures. The study demonstrates that the EU effectively combines normative leadership with economic pragmatism, thereby presenting a successful model of environmental leadership.

Key words: environmental leadership, European Union, global environmental governance, sustainable development, international environmental regimes

FOR CITATION: Mozhanov V.S. The European Union as an actor in shaping global environmental policy. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 120–132. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-120-132

В современной политике ЕС экологическая проблематика вышла на первый план. Евросоюз не только внедряет жесткие природоохраные нормы для стран-участниц, но и играет активную роль в глобальных экологических инициативах. При этом экологическое сотрудничество стало важным инструментом внешней политики ЕС, используемым для укрепления связей с другими государствами как на двусторонней основе, так и в рамках региональных проектов.

В научной среде широко представлены работы, в которых эксперты исследуют участие Евросоюза в формировании экологической повестки на многосторонних переговорных площадках (например, работы Д. Бодански [1], Р. Димитрова [4], Дж. Депледж [3]). Новизна данного исследования будет заключаться в акценте на том, как ЕС продвигает свои экологические стандарты в рамках многосторонних и двусторонних отношений, а также через свои односторонние действия.

В науке о международных отношениях лидерство представляет собой устоявшуюся концепцию, которую разрабатывали исследователи, специализирующиеся на проблемах формирования и эффективности международных режимов. Под международными режимами обычно понимается наборы неявных или явных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в данной области международных отношений [8, с. 186]. Лидеры же, в свою очередь, по определению О. Янга, «стремятся решить или обойти проблемы коллективных действий, которые мешают усилиям сторон, стремящихся получить совместные выгоды в процессах институциональных переговоров» [15, с. 285].

Первоначальные исследования в данной области не концентрировались на вопросах лидерства в экологической сфере. Однако вследствие концепция получила развитие, и значительное число авторов обратилось к анализу формирования международных экологических режимов. При этом основное внимание в научной литературе было сосредоточено на лидерской роли ЕС. Это объясняется, прежде всего, пассивной позицией США как доминирующей мировой державы. Несмотря на обладание беспрецедентными экономическими рычагами влияния, Соединенные Штаты не только воздержались от активного участия в формировании соответствующих международных режимов, но в ряде случаев сознательно блокировали этот процесс [13].

Тем временем ЕС, не обладая подобными возможностями, широко признается в качестве экологического лидера в многочисленных научных исследованиях, посвященных вопросам глобальной экологической политики. К примеру, С. Обертюр в одной из своих работ отмечал: «ЕС зарекомендовал себя в качестве международного лидера в глобальном

управлении окружающей средой в целом, в том числе в отношении защиты озонового слоя, биотехнологии, биоразнообразия и т.д., но лидерство ЕС было наиболее заметным в области борьбы с глобальным изменением климата» [11, с. 35].

В интерпретации Д. Воглера, ЕС предстает как экологический лидер, сочетающий активное участие в глобальных переговорах по окружающей среде со способностью экспортировать свои регуляторные подходы и привлекать других к реализации своей модели устойчивого роста [14].

Однако на начальном этапе развития глобального экологического движения Европейский Союз не сразу стал ключевым игроком. В то время мало кто ожидал, что ЕС займет ведущую роль в международной экологической политике [14, с. 836].

Первой проблемой, которую ЕС необходимо было решить, был вопрос о правосубъектности. До принятия в 1987 г. Единого европейского акта (EEA) у ЕС не было общей экологической политики. В EEA же вопросам защиты окружающей среды был уделен раздел XVI, в котором, помимо всего прочего, отмечалось: «В рамках своих соответствующих компетенций Сообщество и государства-члены сотрудничают с третьими странами и компетентными международными организациями. Формы сотрудничества могут быть предметом договоров между ними и другими заинтересованными сторонами»¹.

В Лиссабонском договоре, в статье 188 L, было определено, что «Союз может заключить соглашение с одной или несколькими третьими странами или международными организациями, если это предусмотрено Договорами, или если заключение соглашения необходимо для достижения в рамках политики Союза одной из целей, упомянутых в Договорах, или предусмотрено юридически обязательным для исполнения законом Союза, или может повлиять на общие правила или изменить их сферу применения»².

Становление Евросоюза как самостоятельного игрока в сфере экологической защиты во многом определялось и готовностью других стран признать его в этой роли. В 1970–1980-е гг. европейские государства вели переговоры по экологическим вопросам независимо друг от друга. Однако по мере расширения полномочий ЕС в данной области он смог завоевать авторитет среди других участников глобальной экополитики.

¹ The Single European Act: signed at Luxembourg on 17 February 1986 and at The Hague on 28 February 1986. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11986U/TXT> (date accessed: 03.06.2025).

² Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community: signed at Lisbon, 13 December 2007. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (date accessed: 03.06.2025).

Венская конвенция по защите озонавого слоя (1985 г.) ввела особый статус – «региональная организация экономической интеграции» (REIO)³, что дало ЕС право официально присоединиться к соглашению и полноценно участвовать в дальнейших международных экологических форумах.

В настоящее время можно выделить три ключевых метода, посредством которых Европейский Союз реализует свою экологическую политику в глобальном масштабе:

- 1) участие в формировании международного экологического права;
- 2) интеграция экологической повестки в различные направления сотрудничества в рамках двусторонних и многосторонних отношений;
- 3) распространение экологических норм и стандартов через систему односторонних мер.

Оценка эффективности данных методов требует четкого определения критерииев, в зависимости от того, рассматриваются ли они в контексте решения глобальных экологических проблем или как инструмент внешнеполитического влияния. В данном контексте уместно обратиться к классической работе Г. Моргентау «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир», в которой автор проводит принципиальное различие между политикой, осуществляющей ради достижения внутренних целей, и политикой, направленной на усиление международного влияния [10, с. 13].

Применительно к экологической политике данный подход предполагает необходимость разграничения между мерами, ориентированными на улучшение экологического благополучия населения, смягчение последствий глобальных и региональных экологических кризисов, сохранение природных систем, и политикой, основной задачей которой выступает воздействие на внутреннюю политику других государств.

В рамках настоящего исследования основное внимание сосредоточено на втором варианте. При этом стоит учитывать, что экологическая политика ради нее самой и ради достижения внешнеполитических целей неизбежно противоречат друг другу. В связи с этим, следует рассмотреть, какие внешнеполитические цели ЕС ставит перед собой, реализуя свою экологическую политику и с помощью каких методов он успешнее всего их добивается.

Среди исследователей существует несколько точек зрения на то, почему ЕС стремится закрепить за собой статус лидера в сфере глобальной экологической политики. К примеру, концепция «нормативной

³ Vienna Convention for the Protection of the Ozone Layer: concluded at Vienna on 22 March 1985. United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201513/volume-1513-I-26164-English.pdf> (date accessed: 03.06.2025).

силы», разработанная Я. Мэннерсом, предполагает, что ЕС продвигает свои нормы, чтобы легитимизировать себя в глазах своих скептически настроенных граждан [9, с. 244].

В рамках концепции «гражданской силы» акцентируется, что Евросоюз, сталкиваясь с ограничениями в военной сфере и внутренними противоречиями по вопросам безопасности, сделал стратегический выбор в пользу тех направлений внешней политики, где мог достигать реального влияния, прежде всего, в сфере торговых отношений и защиты прав человека [12].

Однако, по нашему мнению, ЕС продвигает экологические нормы преимущественно в соответствии с собственными экономическими интересами. Чем значительнее внутриполитическое влияние экологических движений, тем строже, как правило, становятся внутренние стандарты и тем выше степень политической приверженности их соблюдению. Вместо пассивного принятия требований, навязываемых внешними акторами, ЕС активно реализует стратегии, направленные на экспорт своих экологических норм. Указанный тезис находит убедительное обоснование в исследовании Р. Фолкнера. Оспаривая подход Мэннерса о «нормативной силе», Фолкнер утверждает, что роль Евросоюза в международной экополитике раскрывается лишь при учете ее политico-экономического измерения [6, с. 509].

В конце 1990-х гг. Европейский Союз занял позицию ведущего сторонника жесткого регулирования международной торговли генетически модифицированными организмами (ГМО). Изначально не рассматривая данное направление как приоритетное в политической повестке, ЕС, тем не менее, сыграл определяющую роль на заключительном этапе переговоров по Картхенскому протоколу о биобезопасности. Повышенное внимание к этим переговорам со стороны Союза возникло лишь после того, как усиление общественной оппозиции ГМО-продукции вынудило сторонников биотехнологий перейти к оборонительной позиции и привело к введению моратория на одобрение новых ГМО. Подобные действия Евросоюза были продиктованы стремлением распространить собственную регуляторную модель на международном уровне, одновременно защищая свои экономические интересы в сфере биотехнологий, в частности, в медицинских инновациях [Там же, с. 520].

Таким образом, основной целью ЕС в экологической политике можно считать распространение своих внутренних стандартов на международном уровне. Строгие экологические нормы внутри Союза могут снижать конкурентоспособность европейских компаний по сравнению с производителями из стран с более мягким регулированием. Чтобы уравнять условия конкуренции, ЕС стремится сделать свои стандарты глобальными.

Наиболее эффективным способом достижения этой цели представляется участие в разработке международных экологических соглашений. Главное преимущество такого подхода – возможность привлечь к этому процессу множество стран одновременно, создавая, тем самым, единые «правила игры» для всех участников мирового рынка. В настоящее время Европейский Союз участвует приблизительно в шестидесяти международных соглашениях по охране окружающей среды, регулирующих различные сферы – от климатической политики и биоразнообразия до управления отходами и водными ресурсами⁴.

Однако большое количество участников процесса разработки международного экологического права не только расширяет его охват, но и создает серьезные препятствия для реализации амбициозных целей ЕС. Несмотря на активные попытки закрепить свою лидирующую роль, Союз вынужден идти на компромиссы с крупнейшими мировыми державами: США, Китаем, Россией и др.

Ярче всего эта динамика прослеживается в климатической политике – ключевом направлении глобального экологического регулирования. Сравнение двух знаковых событий – климатического саммита ООН в Копенгагене (2009) и Парижского соглашения (2015) – наглядно демонстрирует эту тенденцию. Если Копенгагенская конференция признается многими исследователями как провальная, то Парижское соглашение, напротив, считается историческим и знаковым событием.

15-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в Копенгагене в декабре 2009 г. в целом принесла разочаровывающие результаты, особенно с точки зрения Европейского Союза. Несмотря на усилия ЕС, после 2012 г. мировому сообществу не удалось принять юридически обязательное соглашение, способное заменить Киотский протокол. Более того, итоговый документ Копенгагенского саммита содержал крайне скромные и малоамбициозные экологические обязательства⁵. Переговорщики ЕС имели полномочия представлять интересы ЕС на переговорах в Копенгагене, однако их действия были строго ограничены рамками согласованного мандата. Это означает, что делегированные им полномочия распространялись лишь на те вопросы, по которым государства – члены ЕС достигли консенсуса.

⁴ Multilateral Environmental Agreements (MEAs). European Commission. URL: https://environment.ec.europa.eu/international-cooperation/multilateral-environmental-agreements-meas_en (date accessed: 03.06.2025).

⁵ The Copenhagen climate agreement: EU positions and state of play. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_09_445 (date accessed: 03.06.2025).

В ходе переговоров стало очевидно, что заявленные США и Китаем цели по снижению выбросов CO₂ существенно уступали по амбициозности планам Евросоюза. Стратегия ЕС на COP15, закрепленная в мандате, предполагала убедить остальные ключевые стороны принять столь же высокие обязательства. Однако значительный разрыв между позициями ЕС, с одной стороны, и США с Китаем – с другой, сделал эту задачу практически невыполнимой [7, с. 316].

Однако во время Парижской конференции позиция ЕС не оставалась статичной: Союз регулярно корректировал свои требования, идя на компромиссы. Кроме того, изначально поставленные цели ЕС оказались менее амбициозными. Ключевыми приоритетами для Евросоюза в Париже стали сокращение выбросов парниковых газов и обеспечение прозрачности климатических мер⁶.

ЕС действительно смог достигнуть практически всех поставленных целей, однако это стало возможно во многом из-за смягчения его позиции перед началом конференции. Если бы итоги переговоров оценивались по изначальным критериям Евросоюза, установленным еще около 2011 г., их эффективность выглядела бы значительно скромнее.

Из-за подобных ограничений, с которыми ЕС сталкивается во время участия в формировании международного экологического права, он начал интегрировать экологическую повестку в различные направления сотрудничества в рамках двусторонних и многосторонних взаимодействий. Наибольший эффект данная политика возымела в отношении государств, которые впоследствии вошли в состав ЕС. Политика расширения, которую многие эксперты рассматривают в качестве одного из важнейших внешнеполитических инструментов Союза, также служит проявлением его нормативного влияния.

На текущий момент официальными кандидатами на вступление в ЕС являются девять стран: Северная Македония, Сербия, Турция, Украина, Албания, Босния и Герцеговина, Черногория, Молдова и Грузия, тогда как Косово имеет статус потенциального кандидата⁷. В ходе продолжительного процесса интеграции и после его завершения Европейский Союз значительно влияет на политику этих государств, для которых евроинтеграция стала ключевым внешнеполитическим приоритетом. Переговорный процесс структурирован по 35 тематическим разделам «acquis communautaire», включая экологическую политику, аграрный

⁶ EU position for the UN climate change conference in Paris: Council conclusions. European Commission. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/09/18/council-conclusions-un-climate-change-conference-paris-2015/> (date accessed: 03.06.2025).

⁷ EU enlargement. European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/eu-enlargement_en (date accessed: 03.06.2025).

сектор, продовольственную безопасность, ветеринарный надзор, рыбное хозяйство и энергетику⁸.

Однако экологическое влияние ЕС распространяется значительно шире – не только на новых членов и кандидатов. Союз систематически интегрирует природоохранные аспекты в отношения с третьими странами и международными организациями. Эта стратегия была закреплена еще Амстердамским договором 1997 г., который прямо предписывал включать экологические требования в разработку и осуществление политики ЕС, особенно для продвижения принципов устойчивого развития⁹. После этого т.н. Кардиффский процесс, запущенный в 1998 г., был направлен на интеграцию защиты окружающей среды во все виды деятельности Евросоюза¹⁰.

В 1990-х гг. ЕС, наряду с США, предпринимал попытки связать вопросы торговли и охраны окружающей среды в рамках международных конференций ВТО. Однако эти инициативы были встречены сопротивлением со стороны развивающихся стран, которые рассматривали такие меры как скрытую форму протекционизма развитых государств. В ответ на это ЕС начал интегрировать экологические стандарты в двусторонние преференциальные торговые соглашения (ПТС). Крупный рынок Евросоюза служит мощным стимулом для других стран присоединяться к его торговой политике нового поколения и учитывать неторговые цели, такие, как защита окружающей среды [2, с. 62]. Со временем такие соглашения эволюционировали, включая в себя все более строгие экологические требования. Показательным случаем служит договор о свободной торговле Европейский Союз – Южная Корея (2010), где особый акцент сделан на важности выполнения международных экологических договоренностей (включая Киотский протокол) и их последовательного внедрения в национальные правовые системы¹¹.

⁸ Chapters of the acquis. European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/conditions-membership/chapters-acquis_en (date accessed: 03.06.2025).

⁹ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts: signed 2 October 1997. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11997D/TXT> (date accessed: 03.06.2025).

¹⁰ Cardiff European Council 15 and 16 June 1998: Presidency conclusions. European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/car1_en.htm (date accessed: 03.06.2025).

¹¹ Free trade Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Korea, of the other part: date of document 14 May 2011. EUR-Lex. Access to European Union law. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22011A0514\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22011A0514(01)) (date accessed: 03.06.2025).

Однако применение многостороннего подхода осложняется геополитической конкуренцией между государствами, их расхождениями в экономической сфере и противоречивыми интересами. В условиях анархичности международной системы каждое государство руководствуется собственными приоритетами и демонстрирует различное видение путей решения глобальных проблем. В этой связи ЕС активно продвигает свои экологические нормы и стандарты посредством односторонних мер.

Такой подход демонстрирует особую эффективность при отсутствии прогресса на многосторонних переговорах. Характерным примером служит регулирование авиационных выбросов. Несмотря на то, что авиация производит около 2,5% мировых парниковых газов¹², этот сектор остается слабо регулируемым на глобальном уровне. Хотя Киотский протокол возложил ответственность за ограничение авиационных выбросов на ИКАО, переговоры в этой организации зашли в тупик. В ответ на это ЕС в 2008 г. принял Директиву 2008/101, установившую экстерриториальную систему торговли квотами, охватывающую все рейсы в/из европейских аэропортов независимо от национальной принадлежности авиакомпаний¹³.

Данная инициатива вызвала протесты со стороны множества стран и иностранных авиакомпаний. В итоге директива о включении авиационных выбросов в СТВ была «заморожена» при том условии, что государства придут к соглашению в рамках ИКАО. На этом фоне оживились многосторонние переговоры. 6 октября 2016 г. ИКАО объявила о достижении соглашения под названием «Схема компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации» (CORSIA)¹⁴.

Климатическая стратегия ЕС включает еще одно важное направление. Несмотря на собственные успехи в снижении выбросов, Союз сталкивается с проблемой их роста в других странах. Для решения этой дилеммы в 2019 г. в рамках «Зеленой сделки» был предложен механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ). Его цель – предотвратить углеродную утечку, возникающую при переносе производств за пределы ЕС или замещении европейской продукции более «грязным»

¹² What share of global CO₂ emissions come from aviation? Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/global-aviation-emissions#:~:text=Aviation%20accounts%20for%202.5%25%20of,to%20global%20warming%20to%20date.&text=Flying%20is%20one%20of%20the,How%20does%20this%20add%20up%3F> (date accessed: 08.07.2025).

¹³ Directive 2008/101/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2008/101/oj/eng> (date accessed: 03.06.2025).

¹⁴ Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation (CORSIA). ICAO. URL: <https://www.icao.int/environmental-protection/CORSIA/Pages/default.aspx> (date accessed: 08.07.2025).

импортом¹⁵. Однако исследования показывают, что СВАМ может создать барьеры для торговли развивающихся стран, не достигнув заявленных экологических целей. Например, группа ученых из Потсдамского института исследований воздействия на климат провела комплексный анализ данной проблемы. В своем исследовании авторы пришли к выводу, что наибольшие экономические потери от введения СВАМ понесут страны Северо-Западной и Южной Африки, а также государства Юго-Восточной Европы [5].

Современная система международного экологического управления представляет собой динамичную сферу, где экологические вопросы тесно переплетаются с политическими и экономическими процессами. Европейский Союз, не обладая экономической мощью США и имея объем парниковых выбросов в несколько раз меньший, чем у Китая, тем не менее, остается в качестве одного из ключевых акторов глобальной экологической политики.

Успехи Европейского Союза в сфере экологической политики во многом объясняются его уникальной способностью гибко комбинировать различные инструменты влияния. Союз не только активно участвует в разработке международного экологического права через многосторонние переговоры, но и последовательно встраивает экологические нормы в двусторонние соглашения. Более того, когда международные переговоры заходят в тупик, ЕС демонстрирует готовность идти на опережение, принимая односторонние меры, которые зачастую задают новый вектор глобальной экополитики.

Казалось бы, борьба с изменением климата, загрязнением окружающей среды и утратой биоразнообразия должна объединять мировое сообщество. Однако на практике экологическая повестка все чаще становится ареной geopolитического соперничества. Даже признавая, что эти угрозы носят глобальный характер, государства продолжают действовать в логике классической международной анархии, где национальные интересы нередко преобладают над коллективными усилиями.

Тем не менее, было бы ошибкой считать, что международные экологические режимы неэффективны. Такие примеры, как Монреальский протокол, доказали, что согласованные действия могут приносить реальные результаты. Однако современные вызовы, такие, как изменение климата, требуют куда более сложных и масштабных решений. И здесь возникает ключевой вопрос: кто возьмет на себя роль лидера?

¹⁵ Establishing a carbon border adjustment mechanism: Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council of 14 July 2021. EUR-Lex. Access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:52021PC0564> (date accessed: 03.06.2025).

Кто будет определять правила игры, расставлять приоритеты и распределять бремя ответственности?

Европейский Союз предлагает модель, в которой экологическая политика становится инструментом «умной» силы (smart power). С одной стороны, он позиционирует себя как защитник глобальных экологических ценностей, с другой – умело использует эту повестку для продвижения собственных экономических интересов. Механизмы вроде СВАМ, «зеленых» торговых соглашений и климатической дипломатии позволяют ЕС не только расширять сферу влияния своих стандартов, но и формировать новые правила игры для других участников.

Библиографический список / References

1. Bodansky D. The Copenhagen Climate Change Conference: A Postmortem. *American Journal of International Law*. 2010. Vol. 104. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1553167 (date accessed: 08.07.2025).
2. Postnikov E. Environmental instruments in trade agreements: Pushing the limits of the dialogue approach. *Postnikov E. The European Union external environmental policy: Rules, regulations and governance beyond borders*. Cham, 2017. Pp. 59–79.
3. Depledge J. The Organization of Global Negotiations: Constructing the climate change regime. Routledge, 2016.
4. Dimitrov R.S. Inside UN climate change negotiations: The Copenhagen Conference. *Review of Policy Research*. 2010. Vol. 27 (6). Pp. 795–821.
5. Eicke L., Weko S., Apergi M., Marian A. Pulling up the carbon ladder? Decarbonization, dependence, and third-country risks from the European carbon border adjustment mechanism. *Energy Research and Social Science*. 2021. Vol. 80. DOI:10.1016/j.erss.2021.102240
6. Falkner R. The political economy of “normative power” Europe: EU environmental leadership in international biotechnology regulation. *Journal of European Public Policy*. 2007. Vol. 14 (4). Pp. 507–526.
7. Groen L., Niemann A. The European Union at the Copenhagen climate negotiations: A case of contested EU actorness and effectiveness. *International Relations*. 2013. Vol. 27. No. 3. Pp. 308–324.
8. Krasner S.D. Structural causes and regime consequences: Regimes as intervening variables. *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 185–205.
9. Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40 (2). Pp. 235–258.
10. Morgenthau H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace. N.-Y., 1948.
11. Oberthür S., Kelly C.R. EU leadership in international climate policy: Achievements and challenges. *The International Spectator*. 2008. Vol. 43 (3). Pp. 35–50.
12. Orbis J. Civilian power Europe: Review of the original and current debates. *Cooperation and Conflict*. 2006. Vol. 41 (1). Pp. 123–128.
13. Porter G., Brown J.W. Global environmental politics. 2nd ed. Boulder, 1996.

14. Vogler J. The European contribution to global environmental governance. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. 2005. Vol. 81 (4). Pp. 836–848.
15. Young O.R. Political leadership and regime formation: On the development of institutions in international society. *International Organization*. 1991. Vol. 45 (3). Pp. 281–309.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025, принятa к публикации 28.09.2025
The article was received on 17.06.2025, accepted for publication 28.09.2025

Сведения об авторе / About the author

Можанов Вячеслав Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Vyacheslav S. Mozhanov – PhD student at the Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Science, National Research Tomsk State University

E-mail: slmozhanov@mail.ru